

— На работе вся осень прошла под знаком подготовки отчётов (по последнему этапу и итоговому) по теме "Каштан". Строительство машинного зала для ЭВМ в Ульяновке было закончено, машина установлена и запущена, но стыковать её с датчиками не удалось. На разработку устройства стыковки ЭВМ хотя бы с некоторыми из датчиков требовалось ещё не менее года. Тем не менее, хоть и в таком, явно незавершённом виде, ИДК был создан. Во всяком случае, рядом с датчиками функционировала ЭВМ. Многие были сделаны для того, чтобы осуществить в будущем автоматизацию его работы, подготовлено специальное математическое обеспечение. Теперь всё это предстояло изложить в отчётах вкуче с нашими достижениями по части моделирования ионосферы.

— Облегчалась задача тем, что свои последние результаты мы представили в цикле статей для сборника "Ионосферные возмущения и методы их прогноза", который в это время готовился к выпуску в издательстве "Наука" под редакцией Зевакиной, любезно предоставившей нам изрядную долю его страниц. Это было первое из её многих добрых дел, сделанных для нас. Проблема опубликования наших многочисленных результатов стояла для нас очень остро, так как мы не имели ещё достаточного авторитета в редакции того же "Геомагнетизма и аэрномии", чтобы надеяться получить достаточно места на его страницах, а материала для печати накопилось уже много, и объём его всё увеличивался. Большая часть публикаций, подготовленных для зевакинского сборника, в том же виде перекочевала и в отчёты.

— Защита "Каштана", то есть публичная сдача темы заказчику состоялась 22 декабря 1975 года на заседании секции по ионосфере и распространению радиоволн Учёного Совета ИЗМИРАН. Из Калининграда на защиту поехала, как это уже не раз бывало, целая бригада: Иванов, Саенко, Лаговский, Кореньков, Лена Васильева, Клименко, Лещенко и я - от КМИО, Латышев, Захаров, Юсупов, Якимова - от КГУ. Не хватало только Гострема. Он, правда, на защите появился, но вёл себя смиренно, не высказывал. Ехали все вместе "Янтарём", разумеется - весело, чуть ли не каждый с собой в дорогу бутылку прихватил, что было нормой в те годы.

Лаговский, Захаров, Иванов, Юсупов, Васильева, Якимова и я на Белорусском вокзале, декабрь 1975 г.

— Вёл заседание секции её председатель - Лобачевский. Несколько вступительных слов сказала Зевакина, числившаяся теперь научным руководителем темы, напомнила, что она сменила Гострема недавно и является лишь номинальным руководителем темы, которую считает в целом выполненной успешно. Затем были заслушаны доклады Иванова ("Аппаратурное обеспечение ионосферного диагностического комплекса и автоматизация наблюдений"), Саенко ("Математическое обеспечение ИДК и экспериментальные исследования") и мой ("Математическое моделирование спокойной и возмущённой ионосферы").

Лобачевский, Зевакина, Бенькова, Иванов, Саенко на защите "Каштана" в ИЗМИРАНе, декабрь 1975 г.

От "Вымпела" присутствовали Кравцов, Буркин и Люба Бурлак. Их интересовала внутриизмирановская оценка наших "достижений". Сами они признавали наличие

таковых, несмотря на то, что работа по-настоящему не была завершена: создан измерительный комплекс датчиков, разработано программное обеспечение для ЭВМ, ведущей обработку наблюдений, разработана математическая модель ионосферы, с помощью которой проведены исследования среднеширотных ионосферных возмущений. За всё это заказчик ставил нам высокую оценку. С ней в конечном итоге (после наших выступлений, ответов на вопросы и дискуссии) согласилась и секция. Работа была признана выполненной на высоком научном уровне и рекомендована к премированию. Премия по этой теме полагалась большая, поскольку она шла по разряду "разработок новой техники".

Бенькова, Намгаладзе, Лена Васильева, Клименко, Латышев, Лещенко, Захаров, Соболева, Якимова и другие на защите "Каштана" в ИЗМИРАНе, декабрь 1975 г.

— По настоянию заказчиков в решении секции были записаны и рекомендации, которые нам следовало учесть в будущем: уточнить состав датчиков и их характеристики с точки зрения решения задач дальней радиосвязи и обнаружения возмущений; довести ИДК до работы в автоматическом режиме; развивать модель ионосферы для авроральных, полярных и экваториальных областей; проводить сопоставление модельных расчётов с данными ИДК; регулярно посылать в адрес Заказчика экспресс-информацию по данным ИДК; провести оптимизацию алгоритмов и программ с точки зрения минимизации затрат машинного времени, обеспечить размещение всей совокупности программ на ЭВМ ЕС-1020; разработать технический проект согласования датчиков комплекса с ЭВМ и представить его заказчику в феврале 1976 г. Само наличие этих рекомендаций означало, что предполагается продолжение наших хозяйственных связей с "Вымпелом".

— Отмечали сдачу "Каштана" мы так бурно, что захмелевший Саенко на радостях вышиб мною стекло в двери на кухню в гостиничной измирановской квартире. Слава богу, что от порезов пострадали только рукав моей рубахи и локоть. Увы, ломать мебель и причинять друг другу травмы в этой квартире стало на некоторое время у нас дурной традицией...

— В ноябре к своему дню рождения я после годичного перерыва снова получил письмо от Димули, теперь уже студента Ленинградской Духовной Академии, о чём он мне в этом письме и поведал, и о чём я узнал из Любиных писем ещё до того, как это событие произошло: Димулино намерение прозвучало в письме Любки как свершившийся факт.

Ленинград, 20 ноября 1975 г.

Дорогой Санечка!

— После долгого перерыва снова поздравляю тебя с днём рождения! Желаю тебе всяческих благ, коих, я надеюсь, ты и так не лишён. Как жаль, что мы давно с тобою не виделись, и, может быть, долго ещё не сможем увидеться. Конечно, есть что порассказать друг другу. Тридцать два года ведь уже не шутка. В Древнем Израиле, правда, совершеннолетием считалось тридцать лет, а не половая зрелость, которая легла в основу юридического определения совершеннолетия в нашем обществе. Так что, если смотреть на нас глазами более мудрого народа, мы ещё только начинаем...

— Я, во всяком случае, начал недавно, как это ты, может быть, уже от кого-нибудь слышал. Два года назад, а именно тогда, когда мне исполнилось тридцать лет, я испытал существенное изменение и, как это ни выпендренно звучит, что-то вроде нового рождения. После этого я без особого труда решил круто повернуть весь свой жизненный уклад и решил поступать в Духовную Академию. Решился-то я без труда, но осуществить этот шаг без труда, как ты сам понимаешь, в нашем положении невозможно. На пути стояло многое, о чём ты можешь догадаться. Но так или иначе, в этом году я осуществил задуманное и теперь учусь в Ленинградской Духовной Академии под патронатом Иоанна Богослова.

— Написать сразу много нет возможности. Могу сказать одно - я чувствую себя таким счастливым, как никогда прежде. Это то, что касается общего жизнеощущения. В подробностях и мелочах всё тоже очень хорошо. Учиться интересно. Несколько облегчает моё положение (при отсутствии семинарского образования) общая "эрудиция" и знание древних языков (в аспирантуре я усердно посещал филфак, изучая греческий и латынь), из которых сейчас приходится посещать только еврейский. Курс очень насыщенный. Для самого общего представления о круге изучаемых предметов, я перечислю их просто по зачётной книжке:

_____ 1. Священное Писание Ветхого Завета (критика и исагогика)

- _____2. Священное Писание Нового Завета (критика и исагогика)
- _____3. Догматическое богословие
- _____4. Основное богословие
- _____5. Пастырское богословие
- _____6. Нравственное богословие
- _____7. Патрология
- _____8. Литургия
- _____9. Гомилетика
- _____10. История Древней Церкви
- _____11. История Русской Церкви
- _____12. Логика
- _____13. Сектоведение
- _____14. Византология
- _____15. Церковная Археология
- _____16. Каноническое право
- _____17. История славянских церквей
- _____18. История западных исповеданий
- _____19. Еврейский язык
- _____20. Латинский язык
- _____21. Греческий язык
- _____22. Иностранный язык
- _____23. Стилистика русского языка

— Что ожидает в будущем? Всё зависит от трёх факторов: 1) личное желание, 2) способность, 3) самоопределение в семейном плане.

— Первое у меня пока неопределённо. О втором решать не мне. Третье - есть четыре возможности: женитьба, холостяцкая жизнь без целебата, целебат и, наконец, монашество. Женитьба - вряд ли. Холостяцкая жизнь считается неполноценной. Целебат я немного презираю. Остаётся постриг. Думаю, что через год-два я постригусь и приму сан. Не исключена возможность, что к тому же времени меня пошлют учиться в Ватикан: так теперь стало традиционным.

— Но о перспективах, карьере и мантии как-то не думается, - до того хорошо существовать сейчас. Вот такие мои дела, Сашуля.

— Ты спрашивал о книге Белого ("Петербург"). Увы, она не выходила, да и вряд ли выйдет. Ещё раз наилучшие пожелания. Огромный привет Сашуле.

— Твой Дима.

Я ответил ему и в свою очередь поздравил его с днём рождения (Димуля родился на полмесяца позже меня - 10-го декабря 1943 года), сообщил о рождении сына. По поводу шага, переменившего Димину судьбу, я написал: "Искренне рад за тебя и восхищаюсь твоим мужеством", и в этом не было никакого лицемерия. Не зная причин, побудивших Диму сделать этот шаг, я просто сочувствовал его радости, а мужество ему несомненно пришлось проявить, чтобы осуществить этот шаг: ведь после того, как в Университете узнали о намерениях Димы поступать в Духовную Академию, его обязали год отработать лаборантом "в целях возмещения затрат на образование", и в течение этого года оказывали на него всяческое давление с тем, чтобы заставить его переменить своё решение, так что год он находился в положении самого настоящего изгоя... (Обо всём этом я узнал, разумеется, позже.)

Да и вообще: перейти в разряд верующих - людей, если официально и не осуждаемых, но рассматриваемых большинством в нашем обществе как "заблуждающихся" (в лучшем случае) или вообще "не совсем того...", то есть не совсем полноценных, значило очень много, хотя мне и не было ясно - что именно, а спросить об этом Димулю прямо, в лоб,

как говорится, я не решался, не мог подобрать правильных слов, стеснялся, короче.
— На моё письмо Димуля откликнулся короткой записочкой с новогодним поздравлением.

— Ленинград, 29 декабря 1975 г. —

Дорогие Сашули!

— Спасибо большое за поздравление ко дню рождения. Был очень рад и письму, и тому, о чём в нём сообщалось. С великим опозданием поздравляю вас с сынком!

— И с Новым Годом! Желаю вам счастья.

— У меня всё благополучно. Сегодня сдал последний экзамен сессии. Впервые после школы выбился в гнусные отличники. Не могу сказать, что это далось чрезвычайными трудами (предметы всё же очень интересные), но и совсем уж легко это тоже не было. Во всяком случае чувствую, что немного устал. Теперь каникулы до 21 января. На каникулах, думаю, найдётся время для более спокойного и обстоятельного письма. Пока же еще раз наилучшие поздравления.

— Целую. Ваш Дима.

— (Пока ещё Дима: недалеко время, когда мне придётся сменить имя.)

— И снова наша переписка, едва возобновившись, заглохла на целый год.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)